

Документально-художественный этно-роман известного писателя-путешественника, лауреата Национальной премии имени Ахмета Байтурсынова и Международной литературной премии «Алаш» Серика Байхонова «Алтай – Рубикон» повествует о третьем путешествии всемирно известного исследователя, путешественника и разведчика Николая Михайловича Пржевальского и его спутника, проводника, уроженца Восточного Казахстана Мырзаш батыр Алдиярулы в 1879–1880 годах, начиная от города Зайсан, со Срединного Алтая до предгорий Тибета.

Серик БАЙХОНОВ
(1953–2024)

АЛТАЙ – РУБИКОН

этно-роман
(журнальный вариант)

...Один Пржевальский или один Стэнли стоит десятков учебных заведений или сотни хороших книг... Недаром Пржевальского, Миклухо-Маклая и Ливингстона знает каждый, и недаром по тем путям, где проходили они, народы слагают о них легенды...

А. П. Чехов

...Как жаль, что в своих дневниках Николай Михайлович Пржевальский так мало писал о своих мыслях, о своем настроении и о своих родных. Как бы мы ни хотели, мы не сможем постичь через труды истинную тайну души его...

Э. Мурзаев

ПО СТЕПИ К РУБИКОНУ

Та самая ранняя весна. Из-за смутно высившихся вдали остроконечных белоголовых пиков Алтая струились бесчисленные лучи солнца, медленно восходившего к небесной синеве. Утренний туман, окутывавший своей пеленой всю округу, стал рассеиваться и оседать у подножья горных хребтов, прячась в глубоких ущельях. Деревья обнажились от его белой пелены, и всё вокруг стало видно четко, как на ладони.

Стояла ранняя весна тысяча восемьсот семьдесят девятого года. Группа всадников, выехавших в предутренних сумерках из уездного центра, пускалась

то галопом, то нарысью по заезженному старинному почтовому тракту, бегущему вдоль берегов Иртыша по направлению на юго-восток¹.

Впереди группы всадников на низкорослой приземистой лошаденке легкой нарысью ехал степняк в покачивающемся своим острым верхом борике – головном уборе, отороченном мехом, и в чапане, полы которого развевались на ветру. Пытаясь ехать со степняком стремя в стремя, неуклюже держась в седле, довольно быстро и живо следовали за ним на ходких почтовых рысаках двое верховых в совершенно новой с иголочки военной форме. Замыкали эту кавалькаду, едва поспевая за ехавшими впереди, еще двое всадников с золотыми погонами и в мундирах, украшенных позументом и галунами.

Один из этих двух, громадный, густобровый русак с щеголеватыми усами, почуствовав, что большой саврасый жеребец сильно обременен его чересчур большим весом, поглядывал то на мокрую шею своего коня, то на сильно опухшую физиономию ехавшего рядом с ним спутника. Хмурое лицо того явно выражало, что тот и внешне, и внутренне сильно раздражен этой мучительной ездой.

Он не ошибся, ведь спутник выдал себя первым – с трудом, неуклюже сползая с седла, спешил со своего коня и скрылся в кустарнике, росшем на обочине дороги.

Дородный русак, изрядно измотанный долгой спешной ездой с ранних утренних сумерек по извилисто петляющей дороге, от которой всё его тело онемело, осадил скакуна и некоторое время зачарованно стал осматривать открывшуюся перед ним панораму пробудившейся ото сна окружающей природы.

Хотя март давно уже был в разгаре, смерзшийся снег, покрывавший извилистую двухколейную дорогу почтового тракта, проложенного чуть ли не в допотопные времена, еще не растаял. Еще дальше, по обеим берегам Иртыша, русло которого было сковано льдом, покрытым снежным покровом, на излучинах виднелись густые заросли ивняка и тамариска; на противоположном берегу ровными рядами выстроились красноствольные сосны и зеленые ели, сгибаясь, словно надорвались от непомерной для себя тяжести толстого снежного покрова, покрывавшего их все шесть месяцев зимы. На противоположном берегу Иртыша царила настоящая зима.

Большая дорога была затоптана копытами коней и заезжена полозьями саней, непрестанно проезжавших по ней в обе стороны. Взгляд его упал на правый берег. Он заметил, что ветра выдули верхушки сугробов и сильно подточили их основания. Если ветер выдувает верхний слой наносного снега – лежать ему недолго. Еще дальше росли низкорослые, чахлые кусты красного тамариска и кусты зеленого лоха, кое-где местами попадались чащи тальника и ивняка; если, поскользнувшись, задеть их, то изморозь, покрывающая верхушки, тут же рассыпется градом на землю. А еще дальше виднелись низкие голые бугры; гряда холмиков высотой с поднятые вверх руки. Снег на южных склонах этих холмов пестрел от грязи. На этом берегу Иртыша – настоящая ранняя весна.

В тот миг, когда он стоял, оценивая опытным взглядом бывшего человека представшую перед ним округу, то заметил, как к нему, заметно пошатываясь при ходьбе, приближается начальник таможни. Весь вид его выражал чувство удовлетворения, словно он выполнил все возложенные на него обязанности. Ты только взгляни, он несколько раз безуспешно пытался вскочить в седло, пока с большим трудом, наконец, не взгромоздился на лошадь. Вскочив следом за ним на коня, породный русак оценивающе смотрел на то, как тот, упираясь небольшим брюшком в луку седла, ехал, сгорбившись, согнувшись чуть ли не пополам.

¹ Весной 1879 г. Н. Пржевальский начал свою первую экспедицию на Тибет (1879–1880).

Когда путешественник впервые познакомился с ним, тот сразу же произвел на него отталкивающее впечатление самодовольным видом, а теперь еще ему не понравилось, как тот сидит верхом. Вчера во время прощального ужина тот, выпив изрядное количество дорогого вина, принялся горланить песню: «Этот берег Иртыша и тот...»

Почему-то с самого начала поездки Пржевальскому не понравилось бурое, как у рака, лицо, высокомерный вид этого маленького чиновника. И то, как тот неумело держался в седле, вызывало у него нескрываемое раздражение. Вспомнилось вдруг, как вчера, в Семипалатинске, во время прощального ужина, выпив дорогого вина и явно хватив от жадности лишку, начальник таможни так разболтался, что от него голова разболелась... Если слушать этого горе-начальника, то ехать они должны были не по почтовому тракту, а по левой стороне реки, где снега было по колено лошадям...

Что же это получается? Неужели он, знаменитый путешественник, географ, Николай Пржевальский, который перенес лютые морозы Уссурийской тайги, выжил в губительных жарких песках Гоби и Алашаня², должен бояться каких-то алтайских снегов, находясь в пределах земли, которая вот уже полтора века как находится в составе великой Российской империи?

Еще раз взглянул на своего напыщенного спутника, и ему стало вдруг тошно. Своей манерой сидеть в седле чиновник напоминал ему дилетанта «путешественника». В последнее время в мире развелось очень много искателей приключений. Разумеется, не он первый и не он последний, который хотел бы найти хоть маленький клочок земли, куда еще не ступала нога человека. И среди них были такие, которые, едва появившись на Алтае, тут же претендовали на богатства, почет и уважение окружающих. Но еще больше здесь было беглых... Беглые от армейской повинности, беглые каторжане, беглые от помещиков... Нищие и голодранцы. И этот обыкновенный средний чиновник рядом с известным на весь мир путешественником, кажется, мнит себя бывалым и удалым искателем, сидя неуклюже верхом на отборном рысаке.

Следом устремил он свой взгляд на других двоих, едущих впереди. Прапорщик и его денщик. Давние спутники. Вот они и есть настоящие, бесстрашные странники! Покинувшие отчий кров ради славы мировой науки, годами не видя ничего, кроме длинной нити дорог, они, кажется, не зря скитаются вместе с ним по белу свету. Возможно, они делают это ради науки и знаний, а возможно, из-за уважения к нему, светилу мировой науки.

Подобные нелепые мысли хоть и грели душу, высоко поднимая собственное тщеславие, но нагоняли тоску и уныние. И как бы злясь на самого себя за проявленную минутную слабость, он стегнул камчой и без того обливающегося потом саврасого и догнал своих спутников, скакавших во главе этой конной процессии.

Догнав их и едучи немного позади, наблюдая за тонкой шеей своего помощника, смешно болтавшейся в такт шагу коня, Пржевальский не переставал удивляться его стойкости. Каким же это образом на такой худосочной шее держалась такая большая голова?

Он знал, что на его помощника возложило большие надежды всё географическое сообщество России. Прапорщик Роборовский пользовался некоторым авторитетом среди ученых умов Петербурга. Едва достигнув двадцати лет, этот юнец уже читал лекции по биологии в университете, а также был силен и в зоологии. Бесспорно, в знании животного мира Роборовскому было далеко до него самого, до Николая Пржевальского. Но что касалось орнитологии... И, что

² Речь идет о путешествии Николая Михайловича в Южную Монголию (пустыня Алашань) и на Дальний Восток (Уссурийская тайга).

интересно, прапорщик знал себе цену. Из всех членов экспедиции Пржевальский только с ним общался как с равным, а наедине называл его по имени-отчеству. Этот молодой человек был не по годам развит, умен, начитан. Не зря из десятков желающих попасть в Тибетскую экспедицию был выбран именно он.

Услышав приближающийся сзади топот, прапорщик Роборовский придержал коня и по-военному прижался к обочине. Немного суетливо, впопыхах попытался, соблюдая субординацию, поднести руку к козырьку фуражки.

– Отставить! Какая субординация, вы бы лучше подумали о моей персоне, когда подбирали лошадей...

– Николай Михалыч, с такой комплекцией вам больше подошел бы верблюд, нежели лошадь... и притом я боюсь, что наше положение куда хуже, нежели у лошадей.

Несмотря на то, что Пржевальскому пришлось по душе признание вины прапорщиком и его незамысловатая лесть, он сделал вид, что ничего не заметил и отвернулся. Немного погодя прапорщик своим тонким, совершенно не командным голосом подал команду: «Стоп! На водо-по-ой».

Наконец конная процессия остановилась. Тут же утоптали снег на небольшой полянке, и на расстеленной плащ-палатке появились разные яства: консервированные овощи и фрукты, конфеты и печенье в разноцветных обертках, бутылки с венгерскими красными винами, в воздухе запахло французским коньяком «Фин Шампань».

Словно на скатерти-самобранке, в центре возвышались консервированные соленые огурцы и помидоры, соленое, копченое и тушеное свиное сало, истекающие янтарным жиром, куски буженины, уложенные в переметные сумы перед отъездом из Семипалатинска заботливыми руками богобоязненных монашек, блины и жбаны со сметаной.

Еще помощник не успел открыть и налить вино в высокие, изящные фужеры, как начальник таможни, в нетерпении схватив бутылку коньяка, приложился к ней жадными глотками. При виде такого непотребства наш герой, плохо скрывая свою досаду, брезгливо отвернулся в сторону. Пржевальский берег эти пять бутылок коньяка, чтобы в конце длинной дороги, когда совсем немного, рукой подать останется до столицы Тибета – Лхасы, побаловать своих верных спутников, стынущих с ним на ледяном перегоне, глотком благородного напитка.

От одной этой мысли у него начали закостеневать пальцы, которыми он старался ухватить замерзшие на морозе блины. Путешествуя полвека по разным дорогам и весям, он как никто умел ценить эти приготовленные заботливыми женскими руками яства. Такие же вкусные блины готовили его маменька и няня Макарьевна. Эх, где они теперь... Няня ныне далече, а маменька тянула из себя жилы, чтобы вырастить их без отца, да и не вынесла непосильной ноши. Отошла в мир иной. От нахлынувших воспоминаний всколыхнулась задушевшая на морозах душа. Пржевальский украдкой смахнул непрошеную слезу.

Он хорошо знал цену хорошей пище в дальней дороге, дающей изможденному путнику силы и энергию, чтобы бороться с превратностями судьбы. Но у черта на куличках, в дальнем армейском гарнизоне встретить такое хлебосольство он решительно не ожидал.

– Закусить... закусить надобность... знаете ли вы, что это такое, знатная закуска? – спросил он у ополовинившего к этому времени бутылку коньяка начальника таможни, подавая тому завернутый блин.

– Ваше высококорodie... и это разве закуска? У нас в Семипалатах к таким блинам добавляют яйца и сметану, а тесто замешивают на гусяном или утином жиру. А еще заворачивают в блины икру семги или ускуча. А еще...

– Неужели и в этих блинах завернута красная икра?

– Ой, что вы, ваше высококородь. В Мангышлаке да Гурьеве вообще черную икру подают к блинам, перед ними эта красная икра где там.... А в нашем Мар-каколе эту красную икру местные жители вместо хлеба едят. Хлеба-то у них, вишь, нет, вот и едят. Как подумаю, икру заместо хлеба... Ажно выворачивает всего. У прошлом разе я, когда там бывал, сменял цельную бочку этой самой икры на одну баклагу спирта.

Спутники их, открыв рты, слушали и не знали, верить этим словам начальника таможи или нет. А дородному на память пришли дни его путешествия по Уссурийской тайге... Когда они доставали из пойманной белуги весом без малого сорок, а то и пятьдесят пудов, пять-шесть пудов белужьей икры. Не знающие цену столь изысканному продукту, местные жители, не имевшие опыта длительного хранения рыбы, выбрасывали икру как мусор, а она, почитай, по два рубля за фунт шла.

Излечив гудящую как чугун после вчерашнего застолья голову французским коньяком «Фин Шампань», подавив муть от съеденной вчера безмерно икры, путники вновь стали догонять весенний день, что как корабль распустил свои паруса и высоко поднял солнце на длину аркана.

Глава первая

НА ПРИВОЛЬЕ. БЕРЕГ ЛЕВЫЙ – БЕРЕГ ПРАВЫЙ

1

Когда белый снег, переливаясь в лучах солнца тысячами рассыпанных бриллиантов, всё еще плотно сковывал склоны гор, группа остановилась у того места, где река Чар впадала в Иртыш. Под берегами, всё еще укутанными толстым слоем снега, по блестящей ледяной поверхности реки, неторопливо журча, лилась талая вода. Так на Иртыше начинается половодье. А там, где, растекшись, небольшая речка Чар сливалась с Иртышом, торчали по берегам дрожащие ивы и голые заросли тамариска, отражаясь по самые кроны в зеркальной поверхности воды. В некоторых местах лед покрылся опасными паутинками трещин. Вода, бурля, просачиваясь сквозь эти трещины, спешила вырваться из зимнего плена, откалывала мелкие куски льда и уносила их в сторону моста.

Начальник таможи, первым подсказавший к переправе через Иртыш, вернулся к своим спутникам темнее тучи. Глаза его метали «громы и молнии»:

– Раскудрить-тудыть, мать твою в коромысло, этот «чертов мост». Поврежден, да пропади он пропадом... Христом Богом умолял же ехать вдоль правого берега.

И, как бы оправдываясь, таможенник зачистил:

– Ей-богу, Ваше высокоблагородие, я не виноват. Это всё начальник почты, Ваше благородие. Каждый год одно и то ж, – верещал чиновник. – Каждый год ремонтируем. Это ж какие деньжищи из казны уходят! Сами ж видите, ваше высококородие! Эх, мать честная, это ведь не в нашей воле, ядрить её в корень!

В душе Пржевальский понимал, почему так залебезил-засуетился перед ним обычно флегматичный по натуре начальник таможи, который и бровью не поведет, случись даже конец света. Но мост, будь он неладен, был смыт и разрушен вследствие непредвиденного стихийного бедствия, а значит, местные чиновники имеют законное право писать прошения о выделении дополнительных денег как компенсацию за имущество казны, уничтоженное природным явлением.

Конечно, ничего зазорного нет в том, чтобы засорять уши каждому приезжему столичному начальству о необходимости выделения дополнительных денежных средств. Их уши всё выдержат.

«Кхе...», – затаив усмешку в густых усах, то и дело осаживая прядавшего от испуга жеребца, Пржевальский стал приближаться к мосту, вернее к тому, что от него осталось.

Мост, построенный из тонких лиственниц, с момента его возведения был шатким строением. А теперь, после суровой зимы, бурянов и снегопадов, середина его попросту обвалилась. Бурлящая вода, нагромоздив лёд у опоры, что находилась посередине моста, сердито и глухо рокотала, словно пытаясь вырвать сваи с корнем. Принесенные талой водой корневища деревьев и кустов, толстые льдины, напользающие одна на другую, а также ледяное крошево – всё это скопилось под опорами и давило на них. Печальную картину довершали останки животных, утонувших в паводке, которые вперемешку со льдом плыли в этой жуткой речной массе. Чего только там не было: корова со вздувшимся животом, мелкий домашний скот со сломанными шеями и вывороченными ногами... Ужас.

Жеребец, приседая и часто перебирая ногами, пошел к уцелевшим фрагментам моста. На покореженных бревнах настила, словно размазанный, лежал труп лошади. Конь резко остановился, замер, и по всему его телу судорогой прошла дрожь. Сердце седока забилося часто, гулко отдаваясь в висках и в ушах, словно готовое выпрыгнуть из груди.

Испуганно выпучив глаза, жеребец отпрянул в сторону от трупа, да так резко и внезапно, что всадник едва не вылетел из седла. Лошади – не коровы, они не боятся трупов своих сородичей. Что-то было здесь не так. И тут Пржевальский понял, чем был вызван сильный испуг жеребца. Сыграла роль собственная интуиция всадника, некое внутреннее чутье, что ли. В этот раз под ним не пугливый конь, это он сам, повидавший в путешествиях немало, испугался.

Присмотревшись, Пржевальский увидел поодаль труп человека, которого не смыло когда-то лишь по той причине, что одна нога его была зажата бревнами, поваленными ветром. Вернее, это был уже не труп, а то, что от него осталось: скелет, почти лишенный плоти. На детской головенке пучком волос торчал хохолок.

На миг путешественника охватил ледяной холод, парализовавший всё тело. Ему часто доводилось видеть смерть других людей, да и она ему самому не раз смотрела в глаза в дальних и многодневных походах и скитаниях. Ни разу не дрогнула его рука, когда нажимал он на курок верного штуцера. Не терялся в минуты опасности, когда секунды сжимаются в мгновения, торопился навстречу неизбежному с кинжалом в руке. Знал, самое последнее дело в походе – позволить страху и панике овладеть, захватить тебя. Тогда всё – неминуемо последует гибель. Но сейчас это было совсем другое, необъяснимое.

Взяв себя в руки, решил посмотреть на груды искореженного моста, где среди бревен действительно лежал труп с намокшим и слипшимся от селевой грязи пучком волос на темечке. Пржевальский знал, что коренные жители этих мест оставляют своим детям на голове такие хохолки от сглаза и порчи. Словно остерегаясь чего-то, украдкой еще раз бросил взгляд в ту сторону и заметил там еще один труп... еще один, еще... А услышав позади себя шаги, резко обернулся назад, задыхаясь, жадно заглатывая воздух, чтобы унять бешено бившееся сердце. Забыв только на миг, что подчиненные, доверившиеся ему люди, не должны видеть своего начальника в таком смятении, Пржевальский остановил их взмахом руки на почтительном расстоянии. Если бы это был Ти-

бет – край дикий и враждебный, или же Цайдам – вотчина туземцев, то подобная картина там воспринималась бы иначе, но на государственном почтовом тракте Российской империи, изъезженной вдоль и поперек дороге, вид истерзанных останков людей среди нагроможденных бревен... Он не хотел, чтобы его спутники видели всё это. Или же не желал, чтобы они узрили его таким беспомощным и растерянным?

Увидели, не увидели или поняли, ему хотелось оправдаться перед ними, что ли. Хотя за что? Но он должен был им что-то сказать. Должен был выговориться. «Вот уже сто пятьдесят лет как эти земли перешли под протекторат Российской империи, и вроде находятся не так далеко от центра губернии, а российские подданные всё еще мрут как мухи... мрут. И это что, тоже, по-вашему, вина начальника почты?»

– Каналья! – почти переходя на крик, выдохнул Пржевальский возмущенно.

Бросая взгляд то на разрушенный мост, то на спутников, растерянно стоявших поодаль, он и сам с трудом улавливал слова, сипло слетавшие с его обветренных губ. С трудом взял себя в руки, уняв охватившую его тело дрожь. Его воспаленный мозг не мог уместить, как он, в многомесячных скитаниях по необъятным просторам Сибири, в Уссурийской тайге, где даже собаки не выедают носа в шестидесятиградусные морозы, в пустынях Гоби и Алашане, от одного названия которых стынет в жилах кровь, под палящим солнцем, мучимый жаждой, выживший и за то прозванный «отважным», вдруг на территории земель, находящихся под протекторатом великой империи более ста пятидесяти лет, впервые в своей жизни ощутил этот безумный страх, эту растерянность, состояние полной прострации.

Постепенно стал приходиться к себе, мысленно призывая к душевному спокойствию, осаживая мятущиеся в голове лихорадочные мысли. Внезапно его начал мучить зуд. Этот нервный зуд, начавший мучить его во время последнего путешествия в Цайдам, как он полагал, являлся следствием нервного напряжения. Зудило тело не столько снаружи, сколько внутри. Словно болела душа. Пржевальского снова, вопреки собственному желанию, потянуло посмотреть в сторону моста, и, чтобы отвлечься, он запрокинул глаза в ослепительно синее небо.

Мелькнула и улетела мысль куда-то в бездонную, без единого облачка пустоту. Где-то там, в восхитительной синеве, единственной точкой парила большая птица. Напрягая зрение, путешественник по тонкой, словно ободранной шее признал в этой птице грифа, зорко высматривающего падаль. Стервятник, как прибитый к небу, раскинув крылья, неподвижной точкой завис над разрушенным мостом, чуя желанную для себя поживу.

Пржевальский потянул на себя поводья и, унимая всё еще не отошедшего от испуга жеребца, направился рысцой к своим товарищам. Помощник, угадывавший его мысли по одному только движению бровей, мгновенно оказался рядом, чувствуя, что он хочет о чем-то сказать.

Начальник экспедиции, зная натуру своего многоопытного подчиненного, скорее не читая, а интуитивно угадывая все его мысли, спросил:

– Видите во-он того стервятника?

– Конечно. Но только это не стервятник, это белоголовый гриф. В теплые края, на юг летит, видимо.

– Да бросьте вы, прапорщик! Вас послушать, так все птицы только и делают, что спешат на юг. Вы что, думаете, что я не отличу падальщика от белоголового грифа? Хе-хе... Отставить!

– Никак нет, Ваше благородие. Это местные казахи его так прозвали, а по-научному это одна и та же птица. С научной точки зрения, вы это и сами знать изволите. Белоголовый гриф это, Ваше благородие.

Пржевальский пристально посмотрел на своего как ни в чем не бывало записывающего что-то в записную книжку помощника. Вот всегда так: «с точки зрения официальной науки», «если подойти по-научному...», «официальная наука утверждает...» Кажется, для его помощника, вроде бы родившегося с пером в руках, все летающие птицы, бегающая по земле живность, вплоть до копошащихся в ней насекомых, были просто объектом изучения. Засоленные, засушенные, заспиртованные, в общем, подготовленные для тщательного исследования, они в таком виде устраивали его больше всего. Подумалось: может, и на людей Роборовский смотрит как на объект исследования, не более того?

Бросив взгляд на своих спутников, копошащихся у разрушенного моста, Пржевальский удивился, не обнаружив среди них своего телохранителя Харитона. Записав что-то в книжку и положив её в переметную суму, Роборовский передал поводья своей лошади начальнику таможи. Затем, суетливо перекрестившись, поспешил к мосту. Путешественник видел, как помощник, раскинув руки, пошел на ту сторону по шаткому бревну, чудом висящему между двумя берегами. После Роборовского перешел толмач-татарин. На этом берегу теперь остались только лошади без всадников, да он с начальником таможи.

– Лошади... Что с лошадьми-то делать? – трясаясь от охватившего его нервного возбуждения, вопрошал начальник таможи.

– А на себе потащим.

– Да что вы такое говорите! Этот мост не то что лошадей, он же вас не поднимет, Ваше благородие.

– Каждому свое... Вас не знаю, а меня Харитон перетащит, – сказал Пржевальский, пряча в усах усмешку. – Да не тряситесь вы так, поручик! Лучше найдите мне Харитона. Ми-гом!

С противоположного берега послышались крики. А вот и Харитон прискакал к Иртышу. Машет руками, что-то пытается сказать только им обоим понятными знаками, кивая в сторону моста. Потом показал рукой в направлении возвышавшейся вдали похожей на спелую грудь молодухи горы Айыртау – Двуглавой горы. «Всё-таки в моем денщике не изжилося туземное происхождение, один он верно оценил сложившуюся обстановку», – подумал про себя Пржевальский, и, странно, от этих мыслей у него стало тепло на душе.

У самой вершины двух высящихся холмов кружили крупные птицы. Слова Роборовского неожиданно подтвердились: белоголовый гриф, то снижаясь, то уменьшаясь до размеров еле видимой точки, взял курс на юг, обогнул гору и полетел догонять своих сородичей.

Впереди – Харитон, позади – Пржевальский направились к двуглавой горе. На пути встречались высокие и низкие кустарники диких ягод, которые, прогибаясь под брюхами коней и стряхнув белый иней, тут же поднимались в полный рост, к теплему солнцу. В труднопроходимых местах, на звериных тропах, покрытых опасным пупырчатым белым снегом, кое-где встречались волчьи следы. Опытные знатоки птичьих повадок, путники не боялись сбиться с пути, так как впереди ориентиром для них был бурый гриф, круживший над горой, а под ногами подсказкой служили следы на звериных тропах.

Внезапно прямо перед ними из зарослей густого кустарника появился волк. Было видно, что волк старый, матерый. Шерсть на его толстом загривке была грязная и свалявшаяся. Не торопясь, волк-вожак пересек тропу, посмотрел по

сторонам, будто что-то вынюхивал, повел головой назад и сел наблюдать за тропой, по которой двигались путники. Немного погодя из густого кустарника, обдирая об кусты висящие клочья шерсти, показалась тощая волчица с выводком волчат, поводящих яркими бусинками любопытных глаз.

Харитон, привыкший неусыпно следить за каждым движением Пржевальского, краем глаза заметил, как рука того потянулась к штуцеру и тут же опустилась вниз. Видимо, начальник передумал. Денщик знал, что хозяин всегда был азартным охотником, и этот странный поступок он почел необъяснимым.

Через некоторое время двое путников продолжили свой путь в сторону Айыртау, которая своей вершиной словно вонзалась в самую синеву неба. Стая волков следовала именно туда, а два путника, как две невидимые тени, следовали за ними. Удивительно было видеть, что на правом берегу Иртыша была настоящая зима, в то время как здесь, на левом, набирала обороты весна.

Выехав из леса, в котором властвовала суровая зима, и оказавшись в зоне начинающейся весны, Пржевальский неожиданно резко осадил коня и остановился. Не веря своим глазам, на миг застыл он, как изваяние...

Он не помнил, как, охваченный порывом необъяснимого ужаса, спрыгнул с коня, снял головной убор и неизвестно сколько времени простоял как истукан. Придя в себя, как бывало в таких ситуациях, Пржевальский начал искать своего денщика. Денщик тут же подсказал к своему господину, свесился с седла и посмотрел ему в лицо.

Пржевальский был очень бледен, словно побывал в пекле. Вид начальника экспедиции, потерявшего всякое самообладание, привел в смятение и Харитона.

– Вы это видели?.. Видели?! – зашипел денщик полупшепотом, будто страшась, что кто-то их услышит. – Вы же видели, Ваше благородие?!

– Нет... Я ничего не видел! И ты, сукин сын, ничего не видел! Ты понял меня?! И если ты хоть кому-нибудь об этом откроешь свой поганный рот, убью! Это приказ! Ты понял?

– Ваше слово для меня закон, Ваше благородие! Хорошо, я ничего не видел. Я же знаю, что...

Пржевальский, великий путешественник, много чего повидавший на белом свете, теперь не верил тому, что увидели его глаза. Не хотел верить. И, судя по всему, никогда и никому не рассказывал об этом. Возможно, его поступок можно было понять, ибо в те времена люди не всегда могли признать жестокую правду. Многие подобные события не афишировались десятилетиями, можно сказать, что никто и не знал о существовании подобных страшных мест. Однако не все ведь люди выполняли приказы, и не все жили по военному уставу. И среди таких людей были подобные и Харитону, и Пржевальскому, которые записывали всё, что видели, с чем встречались, и часть этих записей дошла до наших дней.

«...Необъятные просторы заснеженной степи были словно в агонии... Мор сковал их, как лед в реке, и не давал шанса для выживания ни единому живому существу».

Буквально за сутки у местных казахов в буран вымерли тысячи голов скота. Сотни людей умерли от холода и голода. То тут, то там встречались им лошади, еле-еле перебирающие копытами, исходящие в предсмертной агонии. Обесиленный скот был не в силах даже стряхнуть снег, который валил хлопьями, и они оставались запорошенными снегом, который нес им не только неминуемую смерть, но вместе с тем и облегчение от неимоверных мучений, покрывая их словно саван.

«Повсюду, укрытые льдом и снегом, то тут, то там возникали косяки лошадей и жеребят. Они застыли, словно тысячи фантастических чудовищ. И в этой звенящей тишине казалось, что кто-то невидимый специально расставил эти страшные снежные фигуры.

Как бы в довершение всего, среди этого ужаса виднелись застывшие фигуры людей. Кто сидел, кто стоял, а кто и лежал. Вся долина была усыпана костями, это был пир для волков, пронзительный, стелящийся вой которых будил всю округу. Гонимые отовсюду голодом и холодом, здесь волки как в раю лежали среди костей и мяса, словно цари на мягкой перине...»

Вдруг Пржевальский вновь заметил того самого матерого волка с выводком, которого совсем недавно повстречал на тропе. Стая приближалась к оклеветанной лошади? Нет, они, оскалив зубы и пригнув головы к земле, приближались к обледеленному трупу человека. Словно очнувшись ото сна, Пржевальский прижал приклад ружья к плечу и щеке и зачем-то очень долго целился. Глаза застилала пелена. Звук выстрела разорвал звенящую тишину, пуля, вжикнув, словно пчела, просвистела и закончила свой путь, уткнувшись в черный как смола большой камень. Волки испуганно шарахнулись в сторону.

Харитон, держа ружье наперевес, поскакал в сторону Айыртау. Через некоторое время послышался грохот выстрела, раздавшийся на всю округу. Пржевальский увидел, как другая стая волков, лениво поднимаясь со своих мест, не спеша стала уходить в сторону ущелья. Харитон погнался за ними. Там, где он преодолевал сугробы, раскатисто гремели ружейные выстрелы, прокатываясь по предгорной долине многократным эхом. Пржевальский не понял, почему Харитон, хорошо знающий охотничьи правила и порядки, поступил именно так. Но в этот момент он увидел, как денщик скатился с лошади и, прижав руки к груди, уткнулся лбом в мерзлую землю.

– Зря... Зря ходил, – произнес себе под нос раздосадованный Пржевальский. – Предупреждали же ведь, среди местных... большая беда.

Сказав это, растерянно замолчал. Дело в том, что даже его денщик и телохранитель не должны были знать или слышать об эпидемии, охватившей эти края. Таково было распоряжение департамента внутренних дел. Ко всему прочему, в этой природной зоне бушевала, прости боже, та самая эпидемия сибирской язвы. Это усугубило и без того тяжелую ситуацию с суровой зимой.

Потыкавшись головой в снег, Харитон привстал, приложил ладони ко лбу и начал что-то тихо бормотать: «Ом-мани-падмэ-хум. Ом-мани-падмэ-хум...»³

Очень удивился этому Пржевальский. Не единожды путешествовавший за пределами Алтая, тысячи раз слышавший подобные бессмысленные и непонятные для него слова религиозного обряда, в этот раз он был несколько обескуражен, услышав эту молитву из уст своего денщика.

2

Кавалерийские кони обычно не боятся водных преград, но на этот раз они испуганно шарахались от несущихся в ревущем речном потоке льдин. Однако, когда вода достигала брюха, они немного успокаивались, свыкшись с ледяной купелью, и медленно плыли по бурлящей реке.

– Виват, господин Пржевальский! Ваше превосходительство!

– Виват, Харитон!

³ Ом мани падмэ хум – мистическая формула в буддизме. Переводится как «О, сокровищница лотоса». Согласно преданиям, лотос является троном Создателя, символом земли, счастья и благосостояния.

Спутники, наблюдавшие за переправой начальника экспедиции и его денщика с противоположного, крутого обрыва, ликовали.

– А вы как думали? – строго спросил Пржевальский, сверля взглядом галдящую толпу. – Или вы не знаете Харитона?

– Да разве ж каждый простой смертный достоин быть вашим денщиком, Ваше благородие?

Денщик от такой похвалы аж зарделся, и для того, чтобы хоть как-то скрыть свое смущение, прыгнул с коня и, вручив поводья Роборовскому, сказал:

– Погодите чуток, я переправлю и ваших коней...

Почувствовав на себе тяжелый взгляд Пржевальского, начальник таможи, слегка съехившись, поплелся вслед за денщиком.

Толмач-татарин, заискивающе взглянув в лицо путешественнику, пролепетал:

– Да мы же сегодня не кушали, игитляр... Может, пропустим по маленькой, уважаемые господа?

– Вы же знаете, что если я глотну хоть каплю спиртного, то мне и маленький кусочек еды в горло не полезет, – сказал Роборовский со страдальческой гримасой на лице. – Вот если бы красненького винца, тогда можно. Да и от горячего чая я бы не отказался...

– Конечно, конечно... или как вы там говорите: «мигом»? Мигом исполним, мурзалар, – затараторил угодливо толмач.

Он с грохотом сбросил с лошади к своим ногам вязанку дров. Сухие дрова в зимней степи приходилось возить с собой. Через некоторое время на саксальных углях в закопченном чайнике закипела вода.

– Прошу к дастархану, господа.

– Не торопитесь, подождем остальных.

Толмач открыл свою переметную суму и вытащил красивую коробку плиточного чая с рисунком дракона – подарок семипалатинских купцов-татар. Когда он выложил на расстеленную скатерть казы – колбасу из конины, источающую солнечный жир, и не менее вкусную филейную вырезку, Пржевальский, насупившись, отвернулся. Весьма неприятные чувства возникали при виде кусков мяса. Перед его глазами всё еще стояла картина, которую давеча они с Харитоном видели в долине возле стоянки Калбатау. Обглоданные кости дохлой скотины, выпотрошенные внутренности лошадей... Птицы-стервятники, сидевшие, как сторожа, у ног трупа погибшего человека. И после этого есть мясо? Нет, кушать можно только залив еду изрядным количеством горького. Такова реальность...

По окончании трапезы, вспомнив, что является хозяином накрытого стола, толмач-татарин поднес ладони к лицу, но, заметив на себе пристальный взгляд, невольно опустил руки.

– Агузу билляһи минаш шайтанир ражим... – забормотал денщик, поддерживая взгляд угодливого переводчика.

– В таком случае, в знак уважения сотворим молитву на языке нашего царя-батюшки, – продолжил Пржевальский и начал: – Верую во единого Бога отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимого и невидимого. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия едиnorodного, иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосушна Отцу, Им же вся быша... Аминь.

После молитвы путники перекрестились и, ведя коней на поводу, начали подъем на вершину горы. С её высоты вся округа была видна как на ладони.

Пржевальский только сейчас обратил внимание, что почтовый тракт Усть-Каменогорск – Семипалатинск, огибавший левый берег реки, словно пояс, раз-

делил широкую равнину, покрытую сверкающим под солнцем тающим снегом. Кое-где уже, обнажая землю, виднелись проталины. Этот пояс раздваивался у горы, на вершине которой они стояли. Одно его ответвление проходило через дремучую чащу елей и лиственниц и вело на север, а второе бежало по бескрайней степи на юг.

– Смотрите, Ваше благородие, а наши-то соотечественники как удобно устроились в кармане меж двух рек... – протянув руку, сказал Роборовский. – С двух сторон даже коннице не достать.

Только после этих слов Пржевальский заметил густой черный дым над тополиной рощей, что расположилась в пойме реки Чар.

– Это недавно приехавшие сюда жить казаки. В этом году они зимовали в землянках. А по своему гостеприимству они дадут фору любому местному.

– Я понял вас, поручик... Но вы забыли о подарках за гостеприимство. Разве мы не договаривались о том, что сегодня будем ночевать на станции Уба?

– Да, конечно, помню, Ваше благородие. Но я это к тому, что живущие на Убе кержаки-староверцы более чем прижимистый народ.

– Сколько осталось до Убы?

– Если перейдем через мелководную реку Осиху, то потом от Пьянояра, где живут наши казаки, недалеко.

– Во что бы то ни стало сегодня мы должны переночевать в Убинской церкви. Вы понимаете, о чём я, господин прапорщик?

– Да-да, конечно, Ваше благородие, – ответил, потупившись, Роборовский, – вот только, осмелюсь вам напомнить, что во время походов я не имею привычки ночевать ни в церквях, ни, тем более, в развлекательных заведениях.

– Где мы будем ночевать, меня не так сильно волнует. Вы должны понять, что мне не нужна церковь, мне нужна библиотека церкви. Воспринимайте это как мой приказ.

После этих слов всадники взяли направление вдоль речки Осихи, причудливо вьющейся между запорошенных снегом зарослей карагайника, словно догоняя пробитые среди них извилистые тропинки, торопливо неся свои воды в Иртыш. Дремавшая в течение долгой, суровой зимы река словно взбеленилась, почувствовав весеннее тепло и стремясь поскорее избавиться от ледяного плена. Небольшая с виду речушка, тихо спавшая под зимними сугробами, теперь проснулась и от обилия тающей воды и льда, наполнявших её узкое русло, шумно журчала и выгрызала крутые берега.

Внезапно с высоты, где были макушки деревьев, растущих по крутому берегу реки, посыпался снег, а затем раздался треск посреди кустарников. Внимательно следивший за передвижением своего отряда, Пржевальский не осознал, даже не заметил, как его рука оказалась на курке штуцера. Спустя некоторое время среди деревьев показалась большая голова с устрашающими рогами. А затем стало ясно, что перед ними не марал и не лось, а обыкновенная корова.

– Вы подумали, что это медведь, Ваше благородие? Если бы это был он, то давно уже лежал бы сраженный вашей пулей.

– А может, это дикая корова?! А что, мы же знаем, кто отправил в центр шкуру дикой лошади и дикого верблюда. Была лошадь Пржевальского. Теперь будет еще и корова Пржевальского.

– Отставить шутки, прапорщик. Хотите, я мигом отправлю вашу же шкуру вслед за шкурой той дикой лошади?

Стадо коров, мелькавшее среди деревьев, почувствовав приближение конной группы, от греха подальше испуганно скрылось в лесной чаще.

– Вы не обиделись, Ваше благородие? Да это коровы Пьянояра. Всю зиму в лесах без хозяев бродят, сытно им тут, быки у них сильные, своя, так сказать, охрана. Вот и одичали немного... Как телята пойдут, они сами прибьются к селу, доиться.

– И что, никто за ними не смотрит?

– Да кто корову-то тронет?

– Да хотя бы те же самые волки...

– Ну, вы-то должны знать, Ваше благородие, что коровы не лошади. Разве что медведь или барс может загрызть, а серым они не дадутся.

Глядя на трусящего рядом с ним начальника таможни, Пржевальский ухмыльнулся про себя: «Как будто сам всю жизнь пас коров и лошадей».

Однако после случая на Чарской переправе он сделал для себя выводы, что начальник этот тот еще фрукт. Не случайно он говорил вчера: «Тот берег Иртыша, этот берег Иртыша...»

– Да я не про четвероногих волков... И среди людей есть волки. Эти местные, вы же знаете, какие они...

– Какие они? Барымтачи, вы о них? Да казахи признают только лошадей, зачем им упрямая корова?

– Даже если будут с голода помирать?

Начальник таможни попридержал коня и удобнее устроился в седле:

– Ну, разве только те, что приехали недавно, а кто живет здесь давно, знают... Согласно внутреннему порядку Империи, если хоть один из них приблизится к землям, что у устья рек менее десяти верст, ему не поздоровится. А если чужой скот потопчет и потравит посевы переселенцев, то его вообще надлежит конфисковать. Таков наш порядок.

– Черт побери, даже если будут умирать с голода?

– Да ведь живучие они, Ваше благородие... Два столетия бились с калмыками, и хоть бы что. То пропадут, то появятся, как будто с неба свалились или из-под земли вышли. Потом как набегут... Десять лет назад, когда на Алтай приехал Его высочество царевич, было то же самое.

Как только разговор зашел о друге Пржевальского, великом князе, царевиче Владимире Александровиче, ехавший позади них прапорщик Роборовский навострил уши и, прищипывая коня, поравнялся с ними.

– Торжественный прием царевича ведь лицезрели не только русские и татары, были там и казахи. Их было настолько много, что едва разместились за огромным дастарханом. Ну а что за подарки там были! Не сосчитать. Наверное, в Санкт-Петербурге этим подношениям были несказанно рады, Ваше благородие.

– Так ли это? – спросил внимательно слушавший их Роборовский. – По нашим данным, согласно проведенной переписке, до приезда царевича численность казахов не превышала трехсот тысяч.

– Яйца курицу не учат, прапорщик. Вы, наверно, тогда еще и не родились, а я лично имел честь присутствовать при этом факте. И уж точно должны знать, что невозможно сосчитать численность кочевников, которые непрерывно кочуют по бескрайним просторам Бетпакдалы – Голодной степи. Это просто не реально, прапорщик!

Как только в разговоре начали упоминать военные чины в соответствии с их субординацией, у Роборовского от волнения капельки пота на носу выступили, и он замолчал. А не найдя поддержки в лице Пржевальского, растерялся.

– У меня нет ни времени, ни желания вести перепись населения этих кочевников, которые носятся по бескрайним степям словно перекати-поле!

– Знаем, что вы специалист по переписи букашек, мошек и трав, – вслед ему буркнул начальник таможни с иронией в голосе. – Не думаете ли вы, что все такие же дураки, как и вы, господин прапорщик!

– Немедленно просите прощения! Или же первый выстрел мой! – вскрикнул Роборовский.

– Я готов просить у вас прощения, прапорщик, только в том случае, если вы скажете мне, какова должна быть численность народа, который за сто лет до нынешних дней перебил у озера Балхаш двести тысяч до зубов вооруженных калмыков?

Почувствовав, что обстановка накалилась, Пржевальский кашлянул.

– Господин поручик прав. Он, вероятно, говорит о тех несчастных калмыках, что были под началом князя Убаши, перекочевавших на восток по высочайшему повелению царя. Это данные переписи населения пятьдесят восьмого года, проведенной среди казахских племен, которые жили вокруг Балхаша. Да и к тому же в эту переписку не вошли те казахские роды, что были в подданстве Кокандского ханства⁴... А сейчас расскажу вам один случай. В прошлом году, во время Лобнорской экспедиции, я был в Бийске, в округе, где расположены рудники Демидова⁵. Так вот, там много казахов. Оплата труда там согласно выработке. Заводчане говорят, что любой хилый на вид казах работает за двух, а то и трех горняков. И если так разобраться, ничего странного здесь нет. Во-первых, многие из них коренные жители. Простите, насельники Алтайских гор. Во-вторых, наши сородичи, что на заводе и фабрике работают, привыкли пить горькую, а на закуску только зелень. А казахи? С древнейших времен, испокон веку дышат чистым воздухом, едят конину и пьют кумыс. Ну и кто после этого должен работать хорошо? Дальше... О чём это я? А... Да и потом, вы сами прекрасно знаете, не только они, а также их низкорослые лошади намного выносливее наших орловских рысаков.

– Орловы?! Какие Орловы? Да вся Россия знает, что не Орловы, а вы, Ваше благородие, знаток лошадей. Чего стоит только открытый вами миру новый вид лошади, Николай Михайлович.

– Если же говорить о породе лошадей, что вывели Орловы, так предки их были приручены тысячи лет тому назад, далеко до появления на свет божий самих графов Орловых. А та порода, которую открыл ученому миру наш начальник, это ведь настоящие дикие лошади.

Обрадовавшись, что разговор миновал опасную черту и перешел на другую тему, Пржевальский усмехнулся про себя, огрел коня камчой и поскакал вперед.

Вот таким образом, то переругиваясь, то посмеиваясь друг над другом, группа конных приблизилась к приграничному пикету, что был недалеко от Пьянояра.

Одно название – приграничный пост. Поперек дороги стоял, уткнувши в землю один конец, выцветший от времени полосатый шлагбаум, а у края дороги торчала небольшая сторожевая будка с пограничным столбом. На двери сторожки висел большой амбарный замок.

– Они что здесь, все вымерли? Неужели у них нет щепотки соли и хлебного каравая для встречи Его превосходительства, которого лично приветствовали

⁴ «Десятая резервация» – перепись населения, проведенная неофициально, по поручению военного разведывательного департамента.

⁵ С целью освоения природных недр края царское правительство передало юго-восточные рудники в руки купца Демидова. Данные рудники были «маленьким государством в государстве».

Его Высочество российский император и китайский богдыхан? – возмутился прапорщик Роборовский.

– Всех, всех на уши поставлю! Я им всем покажу! – закричал начальник таможни.

– Кого? Кого вы собрались наказывать?

– В первую очередь начальника почты! Потом... потом... – Как только прошла вспышка гнева, таможенник, поняв, что начальник почты сейчас далеко, и не зная, на ком бы выпустить пар, начал вертеть головой в разные стороны. – Так ведь сегодня праздник. Гуляют, наверное, сукины дети. Заедем в Пьянояр, Ваше благородие?..

Из леса, нагретого за день солнцем, между деревьев валил густой туман, обволакивая всё вокруг и делая окрестности невидимыми на расстоянии десяти шагов от участников экспедиции. Вокруг не было ни души, не слышалось ни единого звука, повсюду царила гробовая тишина. Если бы и на самом деле был здесь праздник, то из деревни бы доносились звуки гармонии и звон бубенцов на тройках, впряженных в сани. Сани кружились-носились бы по деревне, как заведенные. В прежних своих путешествиях по Алтаю Пржевальский не раз видел подобные деревни. Сколько их было в глубинках? И все они были словно сестры-близнецы. Тупики, да, именно, тупиковые деревни. Расположенные в непроходимых местах, эти деревни зимой жили каждой своей жизнью. Самое интересное, что и люди, в особенности дети, в них были как две капли воды похожи друг на друга.

– Как, вы сказали, называется деревня, поручик?

– Пья-но-о... Пьяно-яр, – ответил начальник таможни, растягивая слова.

– Хорошее, очень хорошее название... Это, кажется, то самое место, где вам с прапорщиком и место.

– Вы правы, Ваше благородие. В каждом доме на зиму хранятся тушки гусей и уток, самогон бутылками. Во дворе казачата так и бегают. После баньки... свежего мяса с самогоном... теплая печь... О чём еще можно мечтать?! Ух!

– Да вы, батенька, фантазер. Когда заканчивается срок вашей службы? Как говорится, не желаете собираться в родные края, поручик? Не позабыли еще соль и перец родных мест? Могу помочь.

– Да что я там позабыл, в России?! – округлив глаза, испуганно воскликнул начальник таможни. – Вообще, выпади мне такая возможность, я был бы не прочь переехать в сторону Беловодья или Белухи. Золотой корень, маралий корень... Людишек разных повидать. Пойма Бухтармы тоже хороша. А вот говорят, что катон-карагайский мед поставляют к личному столу Его Величества. Это правда, Ваше благородие?

– То, что я обедал с Его Величеством, чистая правда. Да вот только что стояло на столе, я на это почему-то не обратил внимания.

– С Его Величеством царевичем Владимиром Александровичем встречались?

– Да я и не помню уже, сколько пудов соли мы с Володей съели вместе.

Услышав последнюю фразу, начальник таможни почтительно покивал головой и улыбнулся. И он, обыкновенный поручик, рядом с таким человеком в одной экспедиции!

– Я не могу понять, Ваше благородие... Когда есть Беловодье, место, где столько золотой рыбы, форели и хариуса, и разных богатств, где не то что люди, собаки выбирают лучшие куски, какого же рожна вы потеряли в далеком Тибете? – При этих словах начальник таможни почесал себе ладонь. – Даже сам Его Высочество цесаревич не бывал далее Беловодья. Я лично сопровождал его вот по этой дороге. Вот так. Прямохонько на север.

В стороне от будки, перед деревянным домом, на обглоданном ветрами столбе висели указатели. Один показывал на Змеиногорск, что был на северо-западе, второй – на юго-восток, в сторону центра уезда, что находился у подножья Скалистых гор.

– Вон оно что... Ну, насколько я знаю, нрав у Володи добрый, а рука щедрая. Наверное, он всех вас порадовал?

– И не говорите, Ваше благородие. Вон на том берегу реки поставили четыре армейских шатра. Сколько бочек вина было выпито, не сосчитать! От выпитого нами вина и спирта земля пропахла до такой степени, что рыба в реке сама подплывала к берегу...

– Поручик, вы хвалитесь, да знайте меру!

– Ну, если и хватил лишку, то прошу меня простить, Ваше благородие. Однако то, что рыба сама выбрасывалась на берег, я видел своими глазами. Готов поклясться святой книгой в руках. Правда, истинную причину этого мы поняли позже. В этих местах живет купец первой гильдии Илларион Касаткин. Хитрован еще тот. Это его работники поймали и привязали к берегу большущих, как теленок, двух осетров. Так вот, когда они вытащили их на берег на всеобщее обозрение, никогда не видевший таких больших рыб цесаревич чуть с коня не свалился. А после такого представления чиновники, которые никак не могли угодить цесаревичу, отчего он всю дорогу был очень хмурым, недовольным всю дорогу, разве пожалеют чего-нибудь? Вот и расстарались.

– Потом... Что было потом?

– А что может быть-то? Ух! Гулянка была... Помнится, привезенное цесаревичем вино пили семь дней кряду, пили не останавливаясь.

– Пья-но-яр. Теперь понятно...

Как только спутники увидели, что начальник повеселел, рассмеялись и они, и продолжали свой путь, то и дело похохатывая. Так, со смехом и прибаутками, они не заметили, как прошло два часа, пока они добрались до убинской станции.

3

Дорога. Опять дорога... «От Пьяногорска до станции было всего часа два пути. В семи верстах на юго-востоке от села Убинка находилась построенная из белого камня добротная церковь, недалеко от которой и была видна станция... Волостное село Убинка была в 110 верстах от уездного центра Усть-Каменогорска. Во второй половине XIX века в ней насчитывалось 725 семей с 4366 жителями»⁶.

Верховые остановились на пригорке у самого въезда на станцию. С пригорка станция была очень хорошо видна. Среди серых, словно близнецы, одинаково рубленных из сосны изб, особо выделялась одна изба, крыша которой была покрыта железом.

– Во-о-он тот крайний дом принадлежит атаману, Ваше благородие. Наверное, все глаза проглядел, ожидая нас. Эх, сейчас бы в баньку, да с веничком, – сказал начальник таможи, блаженно прищуриваясь и широко улыбаясь. Он уже предчувствовал незатейливое удовольствие хорошей бани, особенно необходимой после трудной и скучной дороги.

– Так вы, милый, еще вчера были в бане. Я думаю, будет правильно, если сегодня мы переночуем в церкви.

Не дождавшись от него ответа, Пржевальский спрыгнул с коня и отдал поводья в руки денщика, а сам начал разминать затекшие ноги. Сделав несколько

⁶ Д. Гребенчиков. Степные узоры. Усть-Каменогорск, 2005.

упражнений армейской гимнастики, приступил к внимательному изучению белого здания, стоявшего посреди площади.

Беленая церковь высилась над другими домами, облепившими её, как цыплята наседку. Таких церквей немало понастроили переселенцы, прибывшие на новые земли великой России. Теперь и здесь, в глухих казахских горных лесах, начали селиться русские казаки, строить укрепления и форпосты. Началось это движение на восток еще при Петре Первом... Сейчас же, глядя на высокий дом из белой глины, он заметил, что она ничем не отличается от всех остальных. А он еще надеялся, что эта церковь будет хоть чем-то отличаться от тех, что он уже видел до этого.

Приверженцы старой веры, кержаки, были подвергнуты гонениям на территории самой России. Спасаясь бегством, они нашли приют здесь, на далеком и таинственном Алтае. Поэтому у этой церкви была и своя тайна, и своя история. Пржевальский знал, что даже после царского указа тысяча восемьсот шестьдесят первого года, которым было отменено крепостное право, народ, не пожелавший расстаться со своей старой верой, перекочевавший на новые места, свято хранил и чтит древние устои. Вся их прежняя история записывалась и бережно хранилась именно здесь, в церковных бумагах. В одном из подобных документов было написано следующее:

«Вместе со строительством Убинского форпоста началось строительство церкви... Здание не раз меняло свой облик: через шесть лет колокольня, что была поставлена из сруба, была построена заново из камня, через 24 года перекрыли крышу, еще через год её заново перекрасили в синий цвет. В 1847 году стены были обмазаны глиной с внутренней стороны, через два года снаружи. В 1851 году силами прихожан был построен иконостас. И только десять лет назад с помощью казака Ларионова деревянная крыша была перекрыта железом»⁷.

Пока он вспоминал, со стороны деревни, по дороге, которая едва различалась среди белеющих сугробов, показалась группа конных и несколько саней. Впереди всех на вороном коне с ружьем на плече скакал бородач. Судя по всему, он и был атаманом. Проскакав немного, атаман остановился на почтительном расстоянии и дождался саней, что ехали в конце всей процессии. Как только сани остановились, из саней с хохотом и шумом вышли одетые в кружевные юбки, в приталенные жилетки статные, как говорится, с лебединой шеей, казачки.

Атаман, не обращая внимания на девушек, пробасил:

– Прошу к нашему веселью, Ваше благородие.

– Мы остановимся в церкви, – ответил Пржевальский категоричным голосом и еще раз посмотрел в сторону здания с железной крышей.

Атаман и его разудалое сопровождение немного пошумели и мирно удалились далее, лишь снежная пыль посыпалась от острых полозьев их саней, да еще долго слышался звонкий девичий голос, распевавший песни про казачью любовь.

Так вроде бы встретили известного путешественника в Пьянояре, но это не произошло на него никакого впечатления. Пржевальский с попутчиками направился под укрытие церкви. У входа в церковь их встретил сам настоятель Бисеров.

«Эта церковь и изнутри была побелена белой глиной и известкой и представляла собой помещение с девятью небольшими окнами и тремя дверьми, вверх вели три лестницы. Самое главное богатство, что было в ней, это библиотека», – так было написано в российских газетах. Основной причиной того, что

⁷ Д. Гребенщиков. Степные узоры.

они посетили Убинский форпост, была именно эта библиотека. Кроме церковной библиотеки Пржевальский очень хотел встретиться и со священником церкви – Бисеровым. Каждый раз, посещая Алтай, он много слышал об этом человеке. Судя по всему, Бисеров был не только глубоко верующим, посвятившим себя религии человеком, но и очень волевой и целеустремленной личностью. Миссионер, «который несет Слово Божье всем тем, кто живет в низовьях Убы».

После вечерней трапезы, как только остальные ушли по избам станицы, Пржевальский вместе с настоятелем Бисеровым пошли знакомиться с библиотекой. Вечерние солнечные лучи желтой дорожкой падали сквозь маленькое окошко в тесном коридоре библиотеки. Когда два огромных человека вошли в это помещение, они словно поглотили весь свет, и здесь стало еще темнее. Как только глаза привыкли к полумраку, Пржевальский увидел книги в кожаных, картонных переплетах, которые занимали все полки вдоль стен. На нескольких столах лежали подшивки газет и журналов. На самом видном месте висел портрет, и при слабом свете свечи можно было разглядеть эполеты. Несомненно, это был военный. Приблизившись, Пржевальский узнал изображение Великого князя Владимира Александровича.

Увидев портрет своего друга, он спросил священника, поспешно протиравшего рукавом сутаны пыль с толстых книг:

– Вы были здесь, когда Великий князь приезжал сюда?

– Уже двадцать лет минуло, как я приехал на Убу. И о приезде князя я, кажется, записывал в церковную книгу.

– А в каком году князь был в этих краях?

– Летом шестьдесят восьмого.

Пока Бисеров искал нужные записи, он стал перелистывать подшивки, которые лежали на столе: «Нива», «Наблюдатель», «Колосья», «Север», «Нева», «Устои», «Изящная литература», «Живописная Россия», «Живописное обозрение», «Родина», «Вестник садоводства, плодоводства и огородничества»...

Пржевальский задумался. Если собрать воедино всё время, проведенное им в городе Святого Петра, то в сумме получается не больше семи-восьми месяцев. И то большую часть этого времени занимали светские приемы и балы. Он уже и забыл, когда в последний раз держал в руках другие издания, кроме «Ведомостей Русского Императорского географического общества». И вот только сейчас, листая старые подшивки, понял, насколько отдалился от своих соратников и сверстников.

В то время как его одолевали эти думы, священник продолжал тщательно искать что-то на крайней полке среди книг. Наконец он нашел книгу в потертom старом переплете и вытащил её на божий свет. Натруженными пальцами стал бережно перелистывать:

– Вот... Вот эти записи сделаны в июне шестьдесят восьмого. – Склонившись над пожелтевшими страницами бумаг, он прочитал следующее: – «Его Сиятельство приказал через Иртыш перебираться паромом, что расположен в четырнадцати верстах от церкви. Церковь эта расположена в выселке Пьяноярск и относится к Убинскому приходу. После чаепития рыбаки проверили сети, что были брошены в реку. Были пойманы две огромные рыбы, которые были подарены Его Сиятельству, за что тот был несказанно рад и отблагодарил рыбаков по-царски».

Чем больше читал священник, тем больше Пржевальский невольно узнавал о пиршествах и чаепитиях Его Превосходительства и о том, какие почести были ему оказаны в тех или иных случаях. Хотя путешественник не нашел ни одного упоминания научного плана, что огорчило его, он всё же был рад, что не

потратил драгоценное время на чтение подобных «хвалебных од». Здесь ему помог настоятель, с гордостью демонстрируя свои давние записки. В библиотеке вдвоем с Бисеровым, беседуя, они задержались надолго.

Прапорщик Роборовский, поставивший себе целью «научное изучение» традиций и верований давно оторвавшихся от своих корней в Центральной России кержаков, вернулся далеко за полночь. Пришел он хмурый, разочарованный от неоправданных надежд, толмач-татарин же прятал и уводил в сторону усмехающиеся глаза.

– Ваше благородие, нашли что-нибудь? – спросил Роборовский, окидывая взглядом разбросанные Пржевальским повсюду раскрытые книги и журналы.

– Да нашел... Только одного понять не могу. «Великий князь Владимир, сын Александра Второго, в 1868 году посетил эти места. В связи с этим был устроен торжественный прием, а также выставка местных ремесленников. Среди выставленных экспонатов особо выделялись подношения, привезенные Нурмагамбетом Сагынаевым из Акмолинского и Мейрама Жанайдарова из Атбасарского уездов, и султана Кокчетавского округа Чингиза Валиханова. Султан Семипалатинского округа Арынгазы Хангожин привез в дар празднично украшенные юрты, инкрустированные серебром женские седла, позолоченную уздечку, отделанные серебром и украшенные золотыми пластинами, сердоликом и бирюзой мужские седла, тонкую, словно сотканную из пуха попону, а также разукрашенный мастерами ювелирами мужской пояс»⁸.

– А что тут непонятного, Ваше высокоблагородие? Дальше, наверное, закончилось, как обычно, широкой гулянкой?..

Пржевальский, конечно же, знал, что в конце выставки, как и всегда, всё закончилось большим пиром. Всё так и должно было быть, а если ничего подобного и не было, то всё равно нужно было написать именно так, не иначе. Путешественник очень хорошо знал стиль Великого князя, который делал всё для того, чтобы превозвысить честь империи. Разумеется, всё это – государственная тайна за семью печатями. А остальное – пьянки и гулянки.

– Да что тут неясного, Ваше благородие, это же всё простая писанина неучей газетчиков. Это в их стиле...

– При чём тут стиль... Обратите внимание на следующее: «Экспонаты, привезенные султаном Кокчетавского округа Чингизом Валихановым, отличались своей роскошью...» Вы знакомы с сыном султана, поручиком Чоканом Валихановым?

– Да кто же не знает поручика Валиханова, открывшего Кашгарию?! Не имел чести быть знакомым лично, но труды его читал. А вот с его младшим братом несколько раз встречался, беседовал. Очень образованный, умный аристократ. Помню, как он скорбел о преждевременной кончине своего брата. Если не ошибаюсь, то могила Чокана недалеко от этих мест.

– К сожалению, хотя не раз слышал лестные слова о нем от руководителя Русского Императорского географического общества Петра Семенова, мне не приходилось встречать Чокана Чингисовича, очень жаль. Когда он жил в Санкт-Петербурге, я находился в Уссурийске. Слышал, что, будучи еще адъютантом губернатора Гасфорта, он часто бывал и на Иссык-Куле...

– Так точно, Ваше благородие. Был он, оказывается, не только адъютантом Гасфорта, но и его советником. – Тут Роборовский почему-то перешел на шепот: – Есть слухи, будто научные отчеты губернатора были написаны руками этого молодого аристократа.

⁸ Статья В. Воинова «Народный праздник киргизов по случаю приезда Великого князя Владимира Александровича в Сибирь» // Современная летопись. 1868.

– Хвалят Валиханова за труды об Иссык-Куле. Знакомы ли вы с ними?

– Знаком, конечно. Всего лишь написанные литературным языком этнографические очерки. По сравнению с вашими трудами об Иссык-Куле... По сравнению с вашими капитальными трудами по естествознанию не имеют большой научной ценности. С вашими...

– Отставить! Это уж слишком! Если был бы жив Чокан Чингизович, возился бы я с такими барымтачами-конокрадами, как вы?! К сожалению...

– К сожалению, Всевышнему тоже нужен хороший человек... Если не ошибаюсь, последнее пристанище того Чокана находится недалеко от этих мест.

– Отставить! Никто не знает, где похоронен Чокан Чингизович. И не должен знать.

– Так точно, Ваше благородие. Не должен знать... Понимаю, что биографические сведения о таких людях, как вы и Чокан Чингизович, являются государственной тайной. В общем, людям, подобным нам, знать этого не полагается. Извините.

– Никто не знает, где находится могила Чокана Валиханова, – грустно повторил Пржевальский и продолжил: – Более того, никто не знает, где он родился.

А если подумать, то всё верно. Зачем сплетнику какой-то путешественник, пусть и положивший на алтарь науки всё, что имел, и даже собственную жизнь? Толпе важнее покрытое золотом и серебром чье-то богатство. Им ценнее на строение Великого цесаревича...

А он еще тот хитрован, этот прапорщик. Как он давеча сказал: «Не пристало разведчику заниматься пустобрехством». Неужели и прапорщик тоже из этой обоймы? Если так рассудить... Что ни говори, разве не решаются многие великие дела посредством этого же пустобрехства? Это неведомо даже его спутникам, включая Роборовского. Так было испокон веку, так, наверное, будет и впредь. Поелику душевные его терзания, бессонные ночи в исканиях истины не интересуют ни одного из спутников. Им абсолютно наплевать на окружающую их палитру природы, богатство её красок, вечную мерзлоту на снеговых шапках вершин. Их умы забиты только лишь загадками, будоражащими воображение, Шамбалы и Белухи, сказочного Беловодья с молочными реками и кисельными берегами, где их ждет, как они думают, вечная молодость. Этими бреднями забиты их головы. Жадные взоры их могут насытиться только лишь золотом антиквариата и серебром музейных экспонатов. Не мыслят они категориями царевича Владимира Александровича, для них дороже во сто крат подношения потомка Темучина Чингиза Валиханова. Всё остальное покрыто мраком государственного секрета.

Н. М. Пржевальский. 70-е годы XIX века.
Фото из Научного архива РГО

Снова и снова мыслями Пржевальский возвращался к трагической судьбе сына султана Чингиза, Чокана Валиханова.

Да главный-то здесь сын султана Чингиза – Чокан. В городе Великого Петра этот молодой поручик утер носы не только псевдоученым, но и чопорным европейским всезнайкам. Если посмотреть со стороны, судьбы их, Пржевальского и Валиханова, были различны и в то же время в чем-то неуловимо схожи. Схожесть – их знания и смелость, с которыми они оба решительно и бесповоротно связали свою жизнь с исследованиями Центральной Азии. Отличие лишь в том, что он двинулся в край, где оголил свой меч Ермак, в Сибирь и в Уссурию, а поручик в свои двадцать три года открыл доселе неизвестную многим Кашгарию. Отличие было, к сожалению, еще и в том, что молодой двадцатитрехлетний коллега достиг своей цели, а он, Пржевальский, хоть уже и в преклонном возрасте, но так и не смог до сих пор добраться до малоизвестной местности под названием Тибет.

Да и к тому же, если смотреть правде в глаза, кто по-настоящему ценит труды его и поручика Валиханова? Даже личная жизнь всех странников и путешественников – государственная тайна. Хорошо еще, если тайна, которая при жизни хранится за семью печатями, после смерти будет обнародована...

Да что там говорить?! Он, Пржевальский, при значительной финансовой поддержке, связях и опыте до сих пор не сумел преодолеть пуповину Азии, пожираемую жадными глазами британцев. И до сей поры не может достичь прозрачной границы между двумя империями, так сильно интересующей департамент внутренней политики. Задачей, доверенной ему, было достичь Тибета, сказочного, непостижимого... Достигну ли когда-нибудь?

Ему ведомо, что заветная мечта – Лхаса, столица Тибета, давным-давно наводнена британскими и турецкими агентами. Ведомо и то, что несравнимо легче было Чокану Чингизовичу, переодевшись в чапан и замотав голову чалмой, пробраться в Жетышар. Тем более что тамошние жители с ним одной веры, одной крови, одного языка. Да, черт побери, одной крови.

Как жаль, что жизнь Валиханова оказалась столь короткой, а смерть до обидного безвременной. Вряд ли его труды, как и все прочие изыскания, будут признаны невежественным обществом. Потому что Чокан Чингизович – настоящий разведчик. А жизнь человека, выполняющего миссию, сообразно его предназначению, покрыта мраком тайны и недомолвок. При жизни страшно открывать все тайны, а после – тем паче. Жаль. Очень жаль, конечно.

– А вы что-нибудь нашли? – спросил Пржевальский своих спутников, дабы не показывать испорченного печальными мыслями настроения.

– Да они, оказывается, артисты еще те, – ответил ему Роборовский, садясь на стул. – Если бы не начальник таможни, они не то что еды, и капли воды бы не дали.

– Пища, которую принимаешь на таком чистом воздухе, оказывается намного полезнее, – лукаво усмехаясь, сказал толмач-татарин. – Хорошо, господа купцы наполнили хорджун еще в Семипалатинске, а не то мы подошли бы с голоду.

До Пржевальского наконец дошел смысл сказанного, и он с неудовольствием отметил про себя беспомощность своего интеллигентного помощника.

– Сколько мне вам говорить, прапорщик, что нужно читать. Здесь вам не трактир на Неве. Хорошо, что вы сами всё увидели своими глазами.

– Да еды у нас у самих достаточно. Но вы бы видели, как они тряслись над своею посудой. Пока мы трапезничали, они своими ахами-вздохами весь аппетит испортили...

Судя по рассказам прапорщика, они попали к кержакам – приверженцам старой веры. Пржевальский порадовался про себя, что он оказался прав, и в данной ситуации на голову выше, нежели его помощник, который был атеистом до мозга костей и ни на йоту не разбирался ни в одной из религий, религиозных обрядах и традициях.

– Так в чьем же доме вы были в гостях, господа? – вмешался в разговор священник Бисеров.

– Да мы в дом-то и не вошли. Потчевали нас в заброшенном, захудалом саду. А хозяин тоже захудалый, весь высохший старик. Если мне не изменяет память, они себя называли «старообрядцами» и, судя по одеждам этого старца, так оно и есть.

– И что самое странное, Ваше благородие, так это то, что они после еды мыли не руки, а ноги. А старец, судя по всему, птица непростая. Верует в Аллаха... нет... в какое-то божество. Когда он повернулся в сторону почитаемой мусульманами Каабы, я уж подумал, не мусульманин ли он.

– Какие еще мусульмане?! Какая еще религия?! – воскликнул Пржевальский, скрестив свои огромные руки на груди, а затем приложив их ко лбу. – Случайно это не сектанты, сбежавшие из России или даже из Европы?

Поняв, что разговор становится куда более серьезным, чем в начале, священник Бисеров, желая привлечь к себе внимание, кашлянул:

– Да нет, что вы, Ваше благородие, не беглецы, гонимые они. Ведь мир наш не безгрешен. Да простит нас Всевышний. Я тут уже почитай тридцать годков, да всё никак не могу искоренить этих «федосеевцев», «белоногих», «еремеевцев» да «охушников». Одно отрадно, что хоть водку не пьют, как прочие. А что касается уважения к старшим и чистоплотности, так я даже их в пример ставлю безбожникам, что проживают в Семипалатинске и Усть-Каменогорске.

Тут в разговор вклинился толмач-татарин:

– Чистоплотность?! Да у них эта чистоплотность принимает странные обороты. В бане моются всей семьей. Позор. Особенно с детьми да снохами. Срам.

– О боже... Помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей, и по множеству щедрот твоих очисти беззаконие мое! – священник начал истово креститься и молиться. – Не иначе омой мя от беззакония моего, и от греха моего очисти мя, яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мной есть выну.

Подойдя к иконе Божьей Матери, скрестив молитвенно руки на груди, настоятель стал истово накладывать крестное знамение.

На них строго и как бы с укором взирал огромный портрет царевича, и на его фоне сиротливо терялась икона с изображением Божьей Матери с младенцем на руках.

Продолжение в № 9, 2024.

